

Е.П. Б а т ь я н о в а , Л.Л. Б о й ч у к

ЯКУТСКАЯ ПЕРЕПИСКА

(к 80-летию И.С. Гурвича)

7 июля 1999 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Ильи Самуиловича Гурвича – одного из крупнейших специалистов по этнографии Крайнего Севера, доктора исторических наук, лауреата Государственной премии СССР.

Обширное научное наследие И.С. Гурвича помимо опубликованных трудов включает богатый архив, в котором значительное место занимает его переписка. К 80-летию И.С. Гурвича мы публикуем материалы этой переписки, связанные с его пребыванием в Якутии в 1940–1950-х годах.

И.С. Гурвич приехал в Якутию в 1941 г. после окончания исторического факультета МГУ с твердым намерением заниматься этнографией. Пять лет Илья Самуилович проработал школьным учителем в одном из самых отдаленных и труднодоступных районов Якутии – Оленекском. Он преподавал историю, географию, русский язык, несколько лет был директором школы. Несмотря на большую загруженность педагогической и общественной работой, он постоянно занимался этнографией, изучал язык якутов, их фольклор, совершал экспедиционные поездки в различные якутские наслеги. Материалы этнографических изысканий в Якутии легли в основу кандидатской диссертации И.С. Гурвича «Оленекские и анабарские якуты (Историко-этнографический очерк)», которую он защитил в 1949 г. после окончания аспирантуры в Институте этнографии АН СССР. Впоследствии эта диссертация, дополненная новыми материалами, была опубликована в виде монографии «Культура северных якутов-оленьков. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа» (М., 1970).

В 1950 г. И.С. Гурвич вернулся из Москвы в Якутию и шесть лет проработал научным сотрудником в НИИЯЛИ Якутского филиала АН СССР. В этот период он часто и надолго ездил в экспедиции, много занимался в местных архивах, вел большую просветительскую работу, выступая с лекциями. Среди деятелей науки и культуры Якутии того времени И.С. Гурвич был заместной фигурой.

В 1956 г. И.С. Гурвич возвратился в Москву, в Институт этнографии АН СССР, где проработал 36 лет, вплоть до своей смерти в 1992 г. С 1965 по 1986 г. он возглавлял в этом институте сектор Крайнего Севера и Сибири.

«Якутские письма» И.С. Гурвича публикуются впервые. Часть из них относится к периоду его учительства в Оленеке, другая связана с его работой в Якутском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории.

Одно из самых ранних писем адресовано научному руководителю И.С. Гурвича Сергею Александровичу Токареву, которого он до конца жизни считал своим учителем. Большинство писем – к матери Евгении Ильиничне Гурвич и к теткам – Полине Ильиничне Каплан и Анне Ильиничне Бостельман.

Письма из Якутии раскрывают многие черты личности И.С. Гурвича, характеризуют его не только как увлеченного талантливого этнографа, мужественного человека, неутомимого путешественника, но и как любящего заботливого сына. Из писем мы узнаем о круге его интересов и занятий, о его отношении к своему делу и окружающим его людям. Значительная часть писем отправлена из экспедиций, в них – яркие зарисовки экспедиционного быта, северной природы. От них веет романтикой Севера. «Все мои письма, – пишет Гурвич матери в одном из них, – заполнены дорогой, дорожными впечатлениями и планами. Этим сейчас живу».

Безусловный интерес представляют письма И.С. Гурвичу Андрея Александровича Попова, Алексея Павловича Окладникова и Бориса Осиповича Долгих. В них отражены события научной жизни начала 1950-х годов, запечатлены черты личности этих выдающихся ученых, характер их взаимоотношений со своими коллегами.

Рис. 1. И.С. Гурвич в Москве (все фотографии из личного архива Л.Л. Бойчук)

Все письма находятся в личном архиве И.С. Гурвича, хранительницей которого в настоящее время является его вдова Людмила Львовна Бойчук.

И.С. Гурвич – С.А. Токареву 10.10.1941.

Дорогой Сергей Александрович! Спешу последним рейсом отправить Вам сие послание. Вот уже целую неделю я в Якутске. Вы, наверное, получили мою телеграмму о том, что продвижение Вашей работы в печать приостановлено¹. Заморожены и остальные труды, находящиеся в Институте языка и культуры. Сам институт временно прекратил существование. Т. Новгородов² перешел на работу в библиотеку, Т. Чемизов³ – на партийную работу. Молодые работники посланы на педагогическую работу в район. Музей тоже свернут. Т. Степанова я не нашел, он работает в районе. Научным работником музея работает г. Федоров из института языка и культуры. Сейчас в городе находится Алексей Павлович Окладников. Он шлет беспрестанно телеграммы, но распоряжений от своего начальства из Академии наук получить не может. В отношении продолжения Вашей работы я обошел всех причастных к этому делу лиц, Алексей Павлович да и я, справлялся даже в СНК Якутии, но сейчас дело двинуть не представляется возможным. Рукопись в целости и сохранности находится в здании центральной библиотеки вместе со всеми трудами института.

Блинов⁴ с женой находился в Кангаласской неполной средней школе в чине ее директора. Недавно он приезжал сюда и рассказывал, что занимается изучением якутского языка, но по этнографии делать нечего.

Со мною не лучше. Обиваю пороги Наркомпроса. Все мои планы относительно этнографической работы в Вилюйских районах отпали. Работники Наркомпроса заупрямились и намерены меня отправить в Ленский или Оленекский район. Отказ мотивируется отсутствием мест и моим незнанием якутского языка. Обегал все организации, но повлиять на этих чиновников нельзя. Одним словом, сильнее кошки зверя нет. Встречают везде хмуро, неприветливо, за исключением работников института. При-

дется ехать в Мухтую, в сельскую школу педагогом. Но сейчас выехать нельзя, т.к. зимний путь не установлен. Но возможно отправят грузовым пароходом. Не знаю, что буду там делать: якуты живут в 20–30 км от места моей будущей работы, русские пришлые. Остается только изучать язык, чем я уже занялся. Может быть, что-нибудь и соберу. Очень жаль, что дело пошло так плохо.

Как Ваша работа? Что нового в университете, в ИАМе? Какова судьба нашей брошюры⁵ у Пушнова? Что с Сергеем Павловичем⁶ и Александром Михайловичем⁷?

Адреса, пока не досхал до места работы, точно не знаю. Пока мой адрес, как и Алексея Павловича, Якутск, до востребования. Илья.

Оленек 14.1.1942 г.

Дорогая мамочка! Сегодня получил целую пачку писем и открыток. Вчера получил телеграмму от тети Нюты и Поли от 29 ноября. Она, телеграмма, лежала здесь полтора месяца, т.е. столько, сколько я ехал. Сегодня третий день в Оленеке, бывшей культбазе. Культбазы теперь нет, но остался огромный интернат и школа, которые находятся в моем ведении. Я тебя писал из Вилюйска и Угулята, как я еду. В Вилюйске долго задержался из-за отсутствия транспорта, затем меня захватила с собою правительственная комиссия во главе с моим зам. наркомом. Ехали мы на частных оленях целым караваном. 24 оленя, десять нарт, два каюра (возчика). В начале пути стояли большие морозы – 50–60 градусов. Замерзли ресницы, испарения от оленей застлали дорогу. В таком морозе просиживать на нартах приходилось по 4,5 и 8 часов. Но ничего не отморозил. Спали в палатке полотняной на снегу, иногда в срубных избушках. Мы четверо за один прием съедали ведро супу с мясом, в среднем человек съедал 2–2,5 кг мяса. Выпивали по литру чая. У меня поллитровая кружка. Съедали на 200–300 г мороженого масла на человека в день. Всех продуктов и спирта было вполне достаточно. Олени мчат во много скорее, чем лошадь, в начале я судорожно держался за нарту, привязываться нельзя – это можно стоить жизни. Под конец пути я привык и даже управлял своими оленями. Несколько раз выпадал с нарт, и олени уезжали, но затем каюры возвращались за мной. Нарты переворачивались. Проезжали через незамерзающие ручьи и т.д. Дороги нет, тропа в 1,5 м шириной, на нее повалены деревья, сучья. Ухабы. Так мы ехали двадцать один день. Сейчас уже январь, новый год провели в дороге. Что ж, хотя и поздно, но следует поздравить с новым годом, сегодня как раз старый новый год. Пусть он будет счастливее для нас, чем старый. Пусть мы опять будем вместе.

Сегодня получил целую пачку писем, их переслали из Якутска... Они шли 2,5–2 месяца. Когда читаешь их, то все переживешь вновь... Теперь я на месте. Директор неполной средней якутской школы. Кроме меня, все якуты. Пока живу в учительской, скоро оборудую квартиру, питаюсь в столовой... Как устроюсь, напишу.

Принимаю дела, не совсем понимаю структуру этой организации, функции персонала. Дело осложнено незнанием языка. Посмотрим, как возьмем школу окончательно в свои руки. Ты не нервничай! Этим только себя расстраиваешь. О Коте⁸ не беспокойся. Он вполне самостоятельный человек, и разумеется, что я все сделаю для него и, конечно, могу тебе это обещать. В Якутске получил от него письмо. Хорошее и бодрое. Я уже писал, что тебе всюду здесь найдется работа. Условия несколько суровые, но, поверь, менее тяжелые в климатическом отношении, чем у нас в Москве. Можно написать тебя сюда, если тебя не страшат полгода езды. В Якутске же жизнь весьма неплохо обставлена. Доехать сюда в Оленек труднее, чем выехать. Лучше ехать морем через Архангельск. Деньги на проезд для тебя в Оленек можно получить. Полярной ночи здесь нет, но солнца тоже нет. На весь район один врач и фельдшер. Пациентов достаточно. Как Нюта, Поля? Целую, желаю здоровья. Люся.

Буду писать часто, пиши...

20.12.1942. Дорогая мама!

Как давно я тебя не видел и не писал. Вот уже скоро год, как я директорствую здесь в школе и преподаю русский язык. Преподавать не трудно, но много всевозможной хозяйственной работы, впрочем и к ней я немного привык. Стоит ли описывать местную якутскую глушь? Лесотундровый пейзаж, лиственницы, цепи холмов, широкая река со скалистыми берегами, а зимой белая туманная природа. Сейчас солнце не всходит, днем сумерки, ночью северное сияние. Летом пришло 2–3 почты подмоченные, полгода мы отрезаны болотами и бездорожьем. Радио работает из-за магнитных бурь слабо, думаю, что не все мои телеграммы дошли до тебя. Морозы большие, но без ветра 40–50 градусов переносятся, как у нас в Москве 5–10 градусов. Ветра нет. Далеко не ходишь. До недавнего времени ходил в демисезонном пальто. Теперь я в валенках и в ватных брюках, летом – в сапогах. Немного понимаю якутски, немного говорю. Работы много, поэтому по этнографии много еще не собрал... Нет настроения, тем не менее собрал небольшой музей, термины, сделал зарисовки, в общем на брошюру хватит. Недавно получил письмо от проф. Окладникова, он в экспедиции. Токарев в Минусинском крае, Блинов в армии, жена его с ребенком осталась в Якутске. Беспокоюсь о Коте, но думаю, что все обойдется, его часть, по-видимому, так занята, что писать некогда, что сейчас часто бывает.

Слышал, что у вас железные печки, здесь везде железные, они очень удобны, тепло, но много дров. У меня одна плита съедает до 2 саж. в месяц. Дров достаточно, освещения – также... Летом ремонтировал школу, обошел окрестности. Очень много комаров и мошки. Отпуска не было. Хорошо, что ты посмотрела моего сына, которого я еще не видел...

Я как-то вырос духовно, на многое стал смотреть по-другому, и этот год – хорошее дополнение к университету вместо пятого курса. Многие значительно яснее и проще, и за мелочи я сейчас не цепляюсь... Жаль, что вам всем сейчас нелегко, но надеюсь, что все перетрется и мука будет, встретимся вновь и все пойдет как надо... Пишите все чаще, письма идут зимой более регулярно. Всякое письмо для меня – великое событие. Хотя мое письмо и опоздает, но хочу поздравить вас всех с новым годом и пожелать исполнения всех желаний и главного, чтобы нам опять работать всем вместе. Целую всех, ваш Люся.

...Совсем забыл. Недавно приехал ко мне учителем товарищ, с которым мы ехали на пароходе, – из университета с биофака. Все-таки веселее, т.к. общество здесь небольшое и скучновато здорово. Он целые дни в моей комнате, топит мою комнату, что очень ценно, т.к. я днем об этом забываю, и она совсем выстывает, т.ч. даже вода иногда ночью замерзала, но теперь комнату обморозил снаружи, так что этого не случается. У меня спальный мешок – очень удобная вещь. Пол покрыт шкурами. Плоховато, что живу при школе, очень беспокойно и шумно, хотя я здорово привык и шума не замечаю... Вот собственно и вся история о себе... Целую еще раз. Люся.

6/IX.44. Дорогая мама!

Полгода не было никакой связи между нашим поселком и остальным миром, кроме радио. Сегодня внезапно прилетел самолет. Хочу воспользоваться этим случаем, чтобы написать тебе. Летом я тебе написал, но письмо, наверное, валяется где-нибудь на почте. О твоей жизни я ничего не знаю, виновата в этом и связь, и отчасти и ты, так как, по-видимому, редко телеграфируешь, а это здесь лучший вид связи... Отсутствие вестей от тебя заставляет меня сильно беспокоиться и нервничать. Этим летом я ездил в этнографическую экспедицию по нашему району. Мне предоставили двухмесячный отпуск, дали переводчика, и я получил деньги на разъезды от якутского института языка и литературы. Съездил в ближайший наслег за 300 км. Езда очень трудная, немногие европейцы вообще способны держаться верхом на олене. С большим трудом овладел сим искусством. Много трудностей было при переправах через

многочисленные реки, на некоторых приходилось строить плоты. Дождь, снег, а затем миллионы комаров, мошек и слепней преследовали нас. Проехали через вековые болота, тайгу почти до Красноярского края. Продуктов было достаточно. Научился есть сушеное мясо (вяленое), пробовал рога с живых оленей (местное блюдо). По дороге было мясо лося, дикого оленя, гусей. За собой мы везли целое снаряжение – палатку, спальные мешки и т.д. По дороге оделся в местную одежду, оброс так, что когда приехал и посмотрел в зеркало, себя не узнал. Лето было неважное. Холодные дни и дожди. Мой приятель отправился на большое расстояние и по дороге серьезно заболел. Переводчик мой тоже чихал и за поездку основательно осунулся. По словам окружающих, сзда мне на пользу. Сейчас обрабатываю собранный материал и экспонаты для передачи институту.

От директорства я освободился, это чрезвычайно хлопотливая и неблагодарная работа. В этом году буду работать просто учителем, что, надеюсь, будет значительно легче, хотя часов у меня будет больше. Предметы все те же: история, география, русский язык в IX и VIII кл. Сейчас занятия еще не начались. Встаю, когда хочу, к чему никак привыкнуть не могу, т.к. раньше как директору мне не давали покоя ни днем, ни ночью. Иных новостей у меня нет. Жажду получить от тебя письмо, но дождусь наверное не скоро...

Надеюсь, что все наши здоровы и бодры и желаю, чтобы это было так. Целую тебя. Привет Нюте, Поле. Люся.

17.IV.45. Дорогая Поля!

Сегодня вместе с маминим письмом получил твое. Письма сюда доходят, но не скорее, чем через два месяца. Приятно читать и думать, что у тебя интересная и захватывающая работа. Если хочешь знать мое мнение, то методическая работа в некоторых разделах дает весьма широкий простор для мыслей. Я здесь тоже числюсь методистом, читаю лекции иногда, иногда показываю, как ведется урок, иногда разбираю чужие уроки. Никаких особых достижений у меня нет. Но мне кажется, что преподавание иностранных языков плохо подвигается к цели, т.к. идет не тем путем. Опыт показывает, что здесь изучается русский язык без словарей (почти) с упором на разговорную речь, и почти все понимают русскую речь и могут прочесть, а также перевести с русского на родной почти любой текст после периода обучения, за который в вузах научаются только читать со словарем. В основе обучения лежит прямой метод. Он сложился естественно. Перевод почти не применяется. Слова почти не учат. На втором году обучения учителю запрещают произносить фразы на родном языке при обучении русскому без крайней необходимости. Разумеется, что это старо, как мир, но жизнью оправдано. Критерием знания языка является умение быстро переводить с родного языка на русский, скажем, за человеком, выступающим на собрании или что-нибудь быстро рассказывающим. Конечно, некоторые обороты и соглашения страдают и даже очень. Впрочем, преподавание русского языка в национальных поселках имеет и свою специфику. Не уверен, что к твоим построениям, наверное, что-нибудь удалось прибавить из моего опыта на месте.

Серьезно думаю об аспирантуре, но английский язык беспокоит. Все, что знал, основательно забыл, хотя здесь слава моя как знающего английский язык гремит. Это получилось после того, как я перевел рекламу к охотничьему ружью – винчестер. Недавно из соседней местности радиотехник прислал мне английскую инструкцию к мотору с просьбой перевести. Некоторые отрывки я перевел, но за правильность ручается только провидение. Заочно здесь не обучаются, письмо идет два месяца, ответ еще два и так полгода, а затем перерыв...

Пиши. Целую. Люся.

Привет твоему мужу!

Между прочим, Оленек не город, как вы именуete его в письмах, а поселок, и очень-очень небольшой. (Только местное население называет его городом и произ-

носит «куоорат».) Следует именовать Оленек поселком, т.к. письмо может попасть в г. Олекму на Ленс.

20/VII.45. Дорогая мама!

Уже десять дней живу в центре соседнего района – Саскылахе. Хотел тебе телеграфировать, но радио здесь не работает, перегорела какая-то лампа. Здесь ожидают самолета, и я предполагаю тоже отправить тебе это письмо с ним. С большим трудом и множеством приключений добрался сюда. Проехал до Джилинды на оленях 350 км. Там оказалось материала немного. Решили ехать дальше на север. Заказали лодку, посхали на ней, но дороге пересели на плот. На плоту спустились до парохода. Но плот налетел на пароход и баржи, чуть их не сломал и сам не разбился. Т.к. пароход собирался отходить, пересели на пароход, вернее на баржу, которую он тащил. Проехали на пароход еще 70 км, но река обмелела да команда подвыпила, и мы сели на мель. Баржи налетели на пароход и затолкали его еще дальше, а в баржи врезался плот. Четыре дня пытались сняться с мели, но неудачно. Лопались канаты. Ломались приспособления. На пятый день нам удалось выпросить лодку и на ней спустились до Саскылаха. Плыли три дня, обогнали все плоты и прибыли благополучно. По дороге были и трудности: в некоторых местах такой ветер, что лодка чуть не переворачивалась, в одном месте река столь широка, что едва догадались, куда можно плыть, едва не перевернулись на перекате. В Саскылахе тоже немного стариков, и мы хотели спуститься ниже к морю. Но поднялся ветер, лодка плохая, захлестывает водой, мешают приливы и отливы, и от этого путешествия пришлось отказаться, вещи опять перетащить в интернат, где мы остановились. Вчера ходили в соседний поселок за двадцать км. Заходили по дороге во все чумы. Везде пили чай, ели рыбу и вели свои расспросы.

Согласно моим планам, обратный путь должен был быть особенно трудный. Мы намеревались подниматься по реке против течения и тащить лодку на веревке. Расстояние 350–400 км. Затем отдохнуть в Джилинде и 350 км просхать на оленях. Но сюда приехал наш ветврач и ждет олсней от нашего стада. Если к нему олени придут, то выедем на оленях через все стада и вместе с учащимися прибуду в Оленек к 1 сентября. В этом случае нужно будет покрыть 1200–1300 км верхом.

...В настоящее время меня занимает только экспедиционная работа. Как ты живешь? Что нового? Пишешь ли на мой Оленекский адрес? Надеюсь, после возвращения в Оленек получить от тебя письма. Оленек имеет и летнюю связь почтой. Анабарский район полгода отрезан от всего мира, почтовой связи нет, самолет ожидается сейчас первый раз за все существование района. Поселок Саскылах в отличие от Оленека имеет преимущественно русское население (завозное). Удивительно слышать русскую речь в устах детей, в столовой, в магазине. В Оленеке я от этого совсем отвык. Как ты думаешь провести свой отпуск? Как Нюта, Поля? Что у них нового? Какое лето в этом году в Москве? Здесь все пересохло, река обмелела, часты лесные и тундровые пожары. Привет Нюте и Поле. Пиши. Целую. Люся. Чернил нет, пишу поэтому карандашом.

А.А. Попов – И.С. Гурвичу.
19.12.47.

Глубокоуважаемый тов. Гурвич! (к сожалению, ни имени, ни отчества Вашего не знаю).

Приношу глубокую благодарность за Ваше очень интересное сообщение, которое, к сожалению, для меня не очень подходит. Получил Ваши ценные коллекции, среди которых имеются исключительно ценные по части региона. Их обязательно следовало бы описать и опубликовать в сборниках ИЭ, печатающихся здесь, в Ленинграде. Если бы Вам удалось приехать сюда, могли бы здесь же на месте описать их и оформить в статью с иллюстрациями. Я думаю, что редактор Музейного сборника весьма охотно

принял бы ее. В Вашей краткой заметке «За пять лет этнографической работы в Оленекском районе» приводятся весьма нужные для нас, для редакции «Сибирского тома» сведения об этническом составе изученного Вами района.

Нам с Вами довелось изучать население смежных районов – Вам от Лены на запад районы Анабара и Оленека, мне – территорию от Енисея до Хатанги. Несомненно, как видно из Ваших коллекций и их описаний, между долганями и населяющими Ваши районы северными якутами имеются довольно большие этнографические различия. Как у Вас обстоит дело с теми работами, которые взялась опубликовать Якутия? Реально ли? Вообще, хотелось бы иметь скорее достоянием общества весьма интересные собранные Вами этнографические записи. Владеете ли хорошо якутским языком? Вы же являетесь единственным специалистом по указанному району. Были ли на р. Попогай и на Джесес? Мне вдвойне приятно, что Вы работали на Анабаре и Оленеке. Я сам родился и провел детство на севере Вилюйского округа, на р. Тюнг. В те времена северные якуты Оленека и Анабара очень часто приезжали туда зимой и жили до весны. Бывали у моих родных, и, вероятно, и сейчас там живы некоторые старики, которые видели меня в детстве (Христофоровы, Симоновы и другие).

Вам передавал Б.О. Долгих мою просьбу о долганском сайтане одного вида. Дело в том, что делается сайтан-покровитель... в виде антропоморфной костяной или деревянной фигуры, одетой в миниатюрный шаманский костюм. Я почти уверен, что это, наверное, изображение умершего предка шамана. Но на месте не спросил об этом и теперь не решаюсь говорить определенно. Нет ли чего-либо, разъясняющего мое предположение?

Привет. Уважающий Вас А. Попов.

А.П. Окладников – И.С. Гурвичу 2.1.1951

Дорогой Илья Самойлович!

Очень благодарен Вам за вниманис и заботу. В наш суровый век, когда у людей так много забот, это бывает не часто.

Будем надеяться, что вторая половина XX века будет иной!

Кстати, Ваше письмо я получил первого января.

Вот как здорово!

В этом я вижу по старым обычаям доброе предзнаменование, что весь год 1951-й обеспечит нам такую же постоянную связь. Посланные Вами книжка и статья пришлись кстати.

Посылайте, дорогой Илья Самойлович, и впредь все такие издания, в т.ч. газетные статьи.

Скажу Вам, что даже и меня, привыкшего к тому, что сочиняет Б-н⁹, кое-что в ней повергло в изумление, особенно в той части проспекта, где разворачивается предистория якутов на Лене и, конечно, образование якутской нации из русских, «эвенов и ламутов» и т.д. ...

Что касается меня, то сейчас есть надежда на скорое избавление от ярма директорских обязанностей.

Это мое старое и заветное желание совпало со стремлением нашего руководства покончить с эрой нашей северной вольности; меня, как вечевого колокол, избавят от столь досаждавших моей научной деятельности административных обязанностей.

Сейчас я редактирую «Историю Бурят. Монг. АССР». Обрабатываю полевые материалы: ведь в этом году я был на Ононе, в Чите, в Кяхте, в Качуге и Верхоянске, наконец – в Туркмении, где копал 8-слойную пещеру с богатым неолитом.

Дорогой Илья Самойлович! Желаю от души с таким же успехом продолжать Ваши этнографические работы – Вы по призванию и духу истинный этнограф и, пожалуйста, не теряйте драгоценного времени – этнография в ее собственном смысле живет считанные годы. Ваш труд будет увенчан со временем всеобщей благодарностью. Но если придется, не проходите мимо дорогого сердцу каменного века и прочих археологических вещей. Буду ждать!

Кстати, продают ли в Якутске «Историю Якутии», 1 ч. Если да, я просил бы послать наложенным платежом десяток экземпляров по моему домашнему адресу.

Еще два слова насчет Тыгына¹⁰: не удастся ли Вам послать мне Протокол Ученого Совета, где говорилось об этом?

Я не прочь еще раз заняться этим сюжетом.

Мне хочется также написать статью «Труды И.В. Сталина по языкознанию и проблемы происхождения якутского народа».

Да вот, страшно мало времени.

Пишите.

Ваш искренно.

А. Окладников.

Б.О. Долгих – И.С. Гурвичу. 12.1.1951.

Дорогой Илья Самойлович!

Получил Ваше второе письмо. Большое Вам спасибо за архивные выписки о вилюйских якутах. Они мне очень пригодятся. Я уже прикинул, как все эти группы лягут на карте, и получается приблизительно так, как и должно быть.

К сожалению, должен сообщить, что из моих разговоров о вызове Вас на совещание пока ничего не вышло. Делегатов было предложено выделять местных. Пока я видел Ольгу Всеволодовну¹¹ и Башарина.

Чувствую по Вашим письмам, что Вы работаете на полную мощность. Это очень хорошо. Кстати, могу Вам сообщить, что вышел 14-й номер «Советской этнографии» с Вашей статьей и моим довеском, но с другой стороны я видел гранки 1-го номера за 1951-й год, в котором П.П.¹² обращает нас в прах и развеивает по ветру.

А.П. сильно пощипали в своем институте, который уже не институт им. Н.Я. Марра, а совсем наоборот, пожалуй нигде сейчас так не ругают Марра, как здесь.

Сейчас я в архивах сижу гл. обр. на фонде Якутской приказной избы (пока на описи 1-й). Кстати, Илья Самойлович, разрешите еще раз Вас попросить об одолжении. Вы говорили, что нашли список ясачных людей Якутского уезда по родам. Я пока нашел лишь в ЯПИ дело № 175, где есть списки ясачных якутов подгородных волостей за 1683 год. Имели ли Вы в виду этот столбец, или какой-либо другой? Пожалуйста, напишите. Я в случае чего сошлюсь на Вас.

Вообще же в Якутской приказной избе я нашел для себя пока не так много, но то, что нашел, то очень интересно.

Сейчас с началом года у меня стало плановой работы меньше, но много всяких случайных вещей – рецензии на присланные в институт рукописи, одна диссертация, кое-какая редакционная работа и т.д.

С интересом прочитал присланную Вами статью Башарина. Но по правде сказать, чтение... мне дается с большим трудом, я не всегда могу докопаться до смысла.

Между прочим, я составил в декабре пр. года карту расселения народов Сибири (без плана) к времени прихода русских (это для Сибирского атласа). Получилось очень интересно.

Жду Ваших трудов по этнографии Северной Якутии, особенно по родоплеменному составу. Только не бойтесь захлебнуться в архивном материале. Это страшно лишь в процессе сбора, а потом его не будет хватать.

Прошу Вас написать, если что-либо надо сделать для Вас. Я всегда буду рад Вам помочь.

Привет Вам.

Жду ответа.

Ваш Б. Долгих.

22 января 1951 г. Дорогая мама!

Стояли большие морозы, и авиасвязи не было... У меня ничего нового. Работаю. Сейчас морозы стали слабеть – 30–40 градусов. Это уже терпимо. Вчера у меня в

комнате был потоп, т.к. на улице стало теплее и печку хорошо протопили, то растаял лед на окне. Оставшийся лед пришлось сцарапать. Туманы уже не такие густые, и стало значительное светлее. Все это облегчает жизнь. Я по-прежнему работаю в архиве и пишу мало. Много всякой возни в связи с выборами, доклады, лекции. Вчера весь день ушел на это. Утром спал, днем меня в сопровождении целой свиты, как генерала на свадьбу, водили в какую-то квартиру провести беседу и сниматься для газеты. Вечером пришлось читать доклад в клубе.

И.С. Гурвич – З.В. Гоголеву¹³ 6.5.1951.

...Сегодня собираюсь двигаться на собаках в к-з Турваугын. В качестве сопровождающего и переводчика со мной едет Таврат – Депутат Верховного Совета АССР (чукча).

Из Турваугына двинемся на оленях во все остальные колхозы, занимающиеся оленеводством, и таким образом побываем во всех наслегах и колхозах района. Обратню думаю приехать в конце июня. В Зырянке обследовал музей – он не уступает по зоологическим коллекциям якутскому, но исторических материалов у них меньше. Познакомился с колхозом в Верхне-Колымской крепости... Юкагиров в пределах Нижне-Колымского наслега не осталось. Они все теперь в соседнем районе, уже не относящемся к ЯАССР. С трудом удалось вылететь в Нижние Кресты, так как началась в Зырянке распутица.

Теперь распутица и в Нижних Крестах. Но дней десять по зимнему пути съездить еще будет возможно.

Относятся к моей работе районные организации с большим интересом. Секретарь РК Агранович выделил райкомовских собак для моей поездки. Обещали встретить на катере. Прочел в поселке две лекции по истории народов Якутии. Пребывание в Зырянке использовал для написания заметки для радиокomiteта о зырянском музее. В дальнейшем подготовлю информацию в «Советскую этнографию».

Здесь подготовил из районных работников сеть корреспондентов, дал всем задания и на обратном пути думаю получить от них материалы. Желательно бы сюда выслать 7–8 анкет для корреспондентов...

В Нижне-Колымском районе думаю пробыть до 10 июля. Здесь... попытаюсь познакомиться со всеми этническими группами – чукчами, русскими, юкагирами и эвеннами...

27.6.1951. Дорогая мама!

...Закончил свой тундровый маршрут, приехал в Нижние Кресты. Вечером тучи комаров. А неделю назад я еще ехал на нартах через озера на льду. Поездка моя вышла очень трудная, пришлось ехать, убегая от весны и распутицы на всех видах транспорта, сберегая каждый час. Ехал я сначала на собаках, потом на оленях, потом пешком, потом на лошадях верхом, затем на лодке и, наконец, на пароходе. Ночевал я на снегу и в чукотских ярангах в пологах, в палатках и в домах. Трудно описать бесконечное количество приключений в дороге: переправы через реки, через трескающийся лед озер, преодоление гор и ущелий, пустынных тундровых участков, где нет даже кусочка горючего, чтобы вскипятить чайник. Попадал и в пургу. В общем испытал все удовольствия, которые могут быть в тундре... Обследование района я еще не закончил, я побывал только у чукчей, якутов, юкагиров и эвенов, теперь необходимо посетить русских старожилов, живущих на реке. Они поселились здесь лет 300 назад и говорят на языке русских людей того времени. Я едва их понимаю. На это еще уйдет недели полторы. Затем выеду в Нижне-Колымский район. Постараюсь на пароходе. Центром будет Средне-Колымск. Работать в поле я буду до конца сентября, в октябре по плану должен быть в Якутске.

Много ели строганины и просто сырой рыбы, ели и сырое, и вареное мясо. Питались главным образом мясом, поглощая его в невероятных количествах. Чай здесь пьют

такой крепкий, что от одного вида его становится плохо. Иногда в него еще кладут какао...

Выехав отсюда зимой, я фактически вернулся летом. Было странно, что буквально на протяжении каких-нибудь 5–10 км сменяются зоны. Сначала из тундры (там ничего нет) въезжаешь в зону тальника-кустарника, но там еще не жарко, наконец, подъезжаешь к реке – ужасная жара, но вода ледяная...

18.9.1951. Дорогая мама!

Присхал позавчера в Средне-Колымск. Опоздал против своего плана-графика на четыре дня. Поездка оказалась очень трудная. Ехали через болота и леса на лошадях верхом. Просхали более 800 км. Лошади проваливались в болота и ползли на животах. Сколько было переправ, я и не запомнил. Часть пути ехали по озерам на челноках-душегубках, несмотря на ветер. Последний отрезок тащили на себе моторку, т.к. мотор отказался работать. Сейчас уже выпал снег и не тает. Скоро по реке пойдет пуга, т.е. начнется ледоход перед замерзанием. Боюсь, что застряну на Колыме, тогда будут очень длительные задержки и трудности с самолетом. Маршрут свой в связи с этим я сократил, но и здесь могут быть трудности в связи с распутицей. Материала собрали немало, но не знаю, как свести его воедино. В Средне-Колымске думаю пробыть дня три. Получил два твои письма, а телеграммы нет. Но здесь рация работает плохо, и поэтому, возможно, задержалась телеграмма. Рад, что ты, мама, хорошо отдохнула. Вопрос о поездке в Москву еще рано и ставить, пока надо добраться до Якутска. Но мне бы очень хотелось побывать дома, повидать всех вас. Я уже очень и очень соскучился. Беспокоит меня вопрос о крыше, но не могу, пожалуй, ничем помочь из такой дали.

Хотелось бы написать поподробней, но работ и хлопот так много, что это не так просто. Уж я лучше напишу, когда доберусь до какой-нибудь настоящей стоянки, напр., до своей комнаты в Якутске... Кочевать мне уже надоело, но и возвращаться страшновато – много дел свалится на плечи.

Целую тебя крепко. Люся.

25.5.52.

Дорогая мама!

У меня с экспедицией опять оттяжка. В связи с распутицей самолеты не летают туда, куда мне нужно...

Недавно в Якутске наступило лето. Всего несколько дней, как прошел лед. И сейчас холодновато, а в помещениях просто холодно, т.к. стены отдают зимний холод, но светло, и день большой, а это очень приятно.

В этом месяце мне пришлось выступить по радио со своей статьей, т.е. читать статью. Сначала ее записали на пленку, а затем передавали... Впервые я услышал собственный голос. Ведь человек не слышит себя. Оказалось, что говорю я вяло, глуховато. В общем я очень удивился, когда услышал, что я говорю так. Но другие остались выступлением довольны. Посылаю тебе кусочек ленты, на такую ленту записывают голос – звук. Это часть какого-то слова, которое я произнес неправильно. Всего для записи потребовалось около одного километра пленки. В местных газетах появились две рецензии на мою брошюру – обе положительные...

Ты спрашиваешь, бываю ли я в кино. Бываю и в кино, и в театре. В театре бываю только тогда, когда забываю, что там ставят скучные вещи и плохо играют. Ставят ли у вас «Солдаты возвращаются домой»?

11.7.1952.

Дорогая мама!

Еду на барже вверх по р. Индигирке... Места замечательные, езда на барже служит отдыхом, но очень много комаров, и в пути дальше по болотам их будет еще больше... Дней через пять двинемся с переводчиком на лошадях на работу. Нужно

Рис. 2. И.С. Гурвич на пути в пос. Аллаиха (1952 г.)

будет проехать км пятьсот. Затем буду спускаться по реке вниз к морю в пос. Аллаиха или Чекурдах, это центр Аллаиховского района, думаю прибыть в середине августа, а в Дружину – в конце июля или начале августа.

3.12.1953.

Дорогие мама, Поля и Ньюта! Пишу сразу всем, так как в экспедиции не соберешься написать отдельные письма.

Сейчас кочую по Верхоянскому р-ну, на бывшем полюсе мирового холода. Действительно, здесь не жарко. Сейчас 40–45 градусов, скоро будет еще холодней. Просхал уже часть наслегов и вернулся в Верхоянск. Собираюсь съездить в соседний район: Саккырырский, дней на 10–12. Оттуда вернусь обратно в Верхоянский район и двинусь к морю в пос. Казачье. Ездить здесь нелегко. То нет лошадей, то лошади слабые, то дают диких оленей, и они не везут, то дорога такая, что нарты все время переворачиваются. Ночуем то в учреждениях, то в юртах, то в палатках, то в избах с ледяными окнами.

День маленький. В 10 ч. светает, в 1 час темнеет. В два нужен свет. Ночью ехать помогает луна, северное сияние (оказывается, луна полезное светило). Питаемся в основном мясом, хотя есть и другие продукты. Если хлеба нет, пекут пресные лепешки. Со мной два помощника. Один постоянный, другой временный. Но дел хватает и им, и мне... в конце месяца я должен быть в Усть-Янском районе, там около моря, говорят, теплее. Сплю в двух спальных мешках, один из них меховой. Одеты мы тепло, но одежда очень громоздкая и неудобная. В каждом месте, где останавливаемся, просушиваем ее. От дыхания обмерзает шарф, шапка, рукавицы. И так я прокочевал три недели. Впереди еще почти пять месяцев. Материал научный есть. Что у вас хорошего, нового? Так хочется всех повидать, но, к сожалению, это не скоро. Всего наилучшего. До нового года еще напишу. Целую всех крепко. Илья.

1.1.1954.

Дорогие Мама, Ньюта, Поля!

Поздравляю вас всех с Новым 1954 годом! Желаю здоровья, успехов, счастья и благополучия. Мне бы хотелось поздравить всех вас лично, встретить вместе Новый год, как мы бывало встречали в прошлом. Но сейчас это не осуществимо. Слишком далеко меня забросила работа. Нахожусь сейчас в Верхоянске. Вернулся сюда 30 декабря из поездки в Саккырырский район. Трудно сейчас здесь ездить. Холод. В Верхоянске – 55–56 градусов да ветерок. К тому же темно, два-три часа светло, а остальное время едва брезжит зимний день. А ездить пришлось по горам, перевалам. Спуски, крутые подъемы, лес. Естественно, что в день больше 50–60 км проехать не

удается. Расстояния же огромные. Вот и получилось, что вместо того, чтобы встретить Новый год в Казачьем, пришлось встречать в Верхоянске. Хотя обстановка фактически и не располагает к встрече, мы с переводчиком отметили эту дату. Продуктов здесь достаточно, спирт тоже есть. Никто с нами не встречал этот новый год, но мы и не хотели местного общества – пьяных, драк и проч. Растопили докрасна железную печку, настругали мороженой рыбы, открыли консервы (а здесь есть очень неплохие), были и конфеты, и шоколад. Вспомнил о всех вас и всех, кто мне дорог. Надеюсь, и вы меня вспомнили в этот день и также пожелали успехов и прочего. Как же вы встречали Новый год? Из телеграммы узнал, что ты, мама, в Тбилиси, рад, что удалось поздравить во время отпуска, развлечься, отдохнуть. Надеюсь, в Казачьем получу подробное письмо о вашей жизни. Пока же почта на Казачье валяется в Верхоянске и неизвестно, когда попадает туда. Не знаю, когда и я туда попаду и как. На оленях туда не доскакать – слишком далеко и трудно, но самолеты почти не ходят, для них в Верхоянске слишком холодно. Но возможно, какие-нибудь рейсы будут. Может быть, пойдут ведомственные самолеты. Пока же 2–3 дня мне необходимо проработать в Верхоянске, а дальше будет видно.

Рис. 3. И.С. Гурвич в походном костюме (1954 г.)

Итак, я попал в Верхоянск в самые морозы. Оказалось, они не так страшны, как их описывают. Одет я тепло и даже по несколько часов сижу на нартах и не встаю, чтобы размяться. Здорово мерз нос, пришлось мне на лицо изготовить меховую маску. Заказал себе чулки из меха горного барана.

Теперь впереди не только морозы, но и пурга. Постараюсь проскочить эти тундровые районы поскорее. Возможно, придется заказать более удобную одежду, хотя это непросто.

Впереди еще два месяца сильных морозов, темноты. Сейчас должен буду работать в районах, где солнце покажется только в феврале.

Питаемся мы неплохо. По дороге купили полкуля мерзлой рыбы (если ее только сырой), купили также полтуши горного барана, десятков зайцев. В Верхоянске питались в столовой. В основном мясо. А я его и люблю, и привык.

Что касается научного материала, его мы собрали немало. Особенно интересный материал удалось собрать в Саккырырском районе. Побывали у эвенов, которых еще в литературе никто не описывал. Ездили уже по тундре и тундровым горам-сонкам. Все это очень интересно, но трудно. Приходится трудно то с транспортом, то с проводниками, то с погодой. Ну да всего не опишешь. Увидимся – расскажу.

Надеюсь, в Москве жизнь интересней, чем у меня. Бываете в театрах, кино. Тепло, светло, уютно – это тоже великие блага. Из Казачьего напишу. Целую всех. Илья.

7.3.1954.

Дорогая мама!

...Сейчас я в Казачьем, собираюсь ехать в Булун. Обследование Усть-Янского района закончил. Вместо одного месяца у меня ушло два. Один месяц вылетел на

езду, пургу, сидения и пр. Трудно кочевать по тундре. Рассчитывать на скорость, разумеется, не придется, но все-таки очень жаль, что ушло значительно больше времени, чем я предполагал. Сейчас здесь значительно теплее, а главное, уже давно взошло солнце и днем светло. День здесь не меньше, чем в Москве. Пурга теперь тоже не так страшна, все-таки дело к весне. Нужно сказать, что к тундре я успел привыкнуть, одежду более менее приспособил, сл-но поездка меня не смущает.

На этот раз проехали мы немало. Вначале пришлось ехать на автомашинах. Со всеми остановками на это ушло двенадцать дней вместо двух. Спать приходилось в кибитке. Моторы зимой не выключаются. Скорость при заносах 3 км в час. Половину времени из этой дороги прожили в поселках, а дней шесть, вернее суток, провели в пути. Намучились здорово, но все-таки этот путь выдержали...

Весней у нас порядочно, едва умецаются на трех нартах, правда на этих нартах сидим и мы сами. Последнее время я стал править оленями: во-первых, скорее едем, во-вторых, все-таки развлечение. Значительную часть пути проехали на собаках. Собаки здесь слабые и топкие. Поэтому езда на них не слишком приятна. Хотелось бы скорее попасть в Булун, там немало скопилось для меня корреспонденции, но когда туда еще попаду. Нужно проехать до первого наслега 180 км, до второго – 250, и затем еще проехать км 200. Ехать придется на оленях. Выехать хотелось сегодня, но вчера из банка денег не успел взять, да и олени еще не явились. Вчера весь день ушел на переговоры с районными организациями, затем прочитал лекцию. В поселке постригся, привелся в порядок.

В Булуна будет ясно, когда приблизительно закончится моя поездка; одно ясно, что в срок не уложусь и вернусь в мае. Отсюда следует, что придется познакомиться и с весенней распутицей.

Что нового у вас? Здоровы ли? Печально, что за февраль никаких вестей не получил.

Дошла ли, Поля, до тебя моя поздравительная телеграмма? Еще раз желаю тебе в связи с днем рождения здоровья, счастья, успехов.

Рад, что твои дела с печатью переводов продвигаются. Скорости, разумеется, в таких делах не бывает.

В Москве, наверное, уже совсем тепло, чувствуется весна...

2.V.54

Дорогие мои Мама, Поля, Нюта!

Поздравляю с майским праздником. Как встречаете весну? В Москве, наверное, совсем тепло, зелено. К сожалению, здесь совсем другая погода. Первого мая была такая пурга, что страшно оказалось выйти на улицу. Сегодня говорят, что в соседнем поселке замерз человек по пьянке. Зима.

Сию я в аэропорту и вот уже пятые сутки жду самолета. То не было самолетов, потом испортилась погода, наконец настали праздники, а в праздники здесь самолеты не ходят. Весна же совсем на носу. Нужно еще обследовать один район, а я не знаю даже, как туда добраться. Никак не ожидал, что пурга меня так задержит весной.

По Булуновскому району я проехал с большой скоростью; на оленях весной ехать можно очень быстро, если олени свежие. Кое-где летели так, что вперед смотреть было нельзя.

Был в низовьях Лены, затем перебрался на Оленек. На этот раз в низовья. Для меня поездка в низовья Оленека дала очень много, так как верховья я хорошо знаю. Затем мы выехали на побережье моря, ехать уже пришлось на собаках, и побывали даже на островах. Таким образом, в этом году мне удалось поехать и по арктическому побережью. Ездить здесь – нельзя сказать, чтобы было легко. Часто дуют ветры, в это время можно попасть вместо поселка в открытое море. В устье Оленека и около него каждый год погибают люди, замерзнув в пути. Но нам повезло, погода стояла хорошая. Много записал, много сделал снимков. В общем, без поездки этого года я не смог бы сказать, что знаю север. Сейчас весна, но погода пасмурная,

снегопады. Поглощен одним, как бы вылететь в Булун и выбраться в Жиганск. Если не задержусь на этом отрезке, то к началу лета, т.е. в первой половине июня, буду в Якутске. К сожалению, хотя осталось посетить не так много пунктов, в каждом из них в связи с распутицей можно задержаться.

Как видишь, все мои письма, и это, заполнены дорогой, дорожными впечатлениями и планами. Этим сейчас живу.

Что нового у Вас? Часто думаю о доме. Так хочется побывать у себя, повидать всех Вас. Надеюсь, в Булуне получу письмо. Без писем очень скучаю и нервничаю. Думаю, что мою майскую поздравительную телеграмму вы получили. Наверное, и для меня в Булуне что-нибудь имеется... Из Жиганска я сообщу, куда следует мне писать. По-видимому, в Якутск, т.к. до Жиганска летом письмо будет идти бесконечно долго.

Как себя чувствуете, каковы летние планы? Пишите. Из Булуна, когда что-нибудь получу, постараюсь написать. Целую вас всех. Илья.

Только 8-го попал в Тикси, помощник еще не доскал. Беда. Теперь все зависит от случая и погоды.

16.V.54.

Дорогая мама!

Получил два твоих письма. И от 10 апреля, и от 17 апреля. Самое удивительное, что письмо от 10 апреля мне вручили не в Булуне, а в Тикси. На почте в Тикси, когда отдали, тоже удивились – бывают же ошибки на пользу. В Тикси я сидел и ждал самолета пять дней. Таким образом, прошло целых 17 дней (вместе с задержкой в Таймыльре). И это весной, когда распутица на носу. Печально! Сейчас я в Булуне, пытаюсь быстро закончить дела и выбраться в Жиганск. Если удастся там дело закончить к 15 июня, то будет очень хорошо. Но нужно еще выбраться, а самолеты ходят плохо: погода плохая. Когда погода наладится, то все растает. В общем пока ничего неизвестно. Помощник мой застрял в Таймыльре с вещами. Взять его с собой не удалось, т.к. самолет был переполнен. Думаю его прямо вызвать в Жиганск. Так сложно здесь ездить самолетом! Что же делать, север!

Продолжаю 16 мая в Жиганске. Прилетел я в Булун вечером 12. На следующий день сделал ряд дел. 14 удалось получить доверенность на получение денег из банка и выцарапать сами деньги. Побеседовал с руководством района и 15 мая вылетел в Жиганск. На этот раз мне повезло. Самолет, который шел в Тикси, не дошел и вернулся, им я и доехал. В Булуне совсем зима. Снег лежит. Чуть-чуть тает у домов. Лед и не думал трогаться. В Жиганске совсем по-другому, дороги уже раскисли, ездить уже трудно – распутица. Собираюсь сейчас же выехать в наслеги, с собой возьму другого переводчика, т.к. тот неизвестно где. Жаль, что с ним застрял и мой спальный мешок.

Срок работы продлен до 15 июня. Думаю, что как-нибудь закрутиться можно. В общем посмотрим. Весна здесь поздняя. Это мое счастье. Сейчас, наверное, поеду еще на нартах, дальше верхом на оленях, лошадях, потом вернусь в Жиганск и выеду на катере и вернусь на катере из того места, в котором должен побывать. После этого Якутск. Таковы планы... Письма теперь, когда получишь это письмо... пиши в Якутск. Самолеты скоро перестанут летать, а парходом все дойдет нескоро. Проще адресовать на Якутск. Нюте и Поле привет. Целую тебя крепко. Люся.

21.10.54.

Дорогая мама!

Еще раз хочу поздравить тебя со днем рождения. Надеюсь, что ты получила нашу телеграмму... Пожелали тебе счастья, здоровья и благополучия. 19 октября мы специально отметили. Выпили за тебя, были и Гоголевы. Думаю, что ты хорошо отдохнула. Судя по твоим письмам, довольна отдыхом. Я этому очень и очень рад. Отдохнуть очень важно. Написать тебе в Крым не собрался, т.к. письмо с адресом пришло поздно. Думаю, что две мои телеграммы все-таки дошли. Как тебе понравились фотографии, отправленные домой?

Последние недели я совсем погряз в делах. Уехал ученый секретарь института. Как раз в это время должно было состояться совещание по обсуждению очерка истории якутской литературы. Съехались представители из республик, из Академии. Поручили мне организационную часть. Пришлось выцарапывать помещение у Верховного совета, затем развешивать выставку. Совещание длилось 4 дня. Размещал гостей, писал, выступал и проч., и проч. Вплоть до организации концерта пришлось все продумывать. Не знаю, много ли пользы для моей темы, но для меня полезно было ознакомиться с организационными вопросами, поучиться. Хорошо, что это не надолго, на днях мои полномочия и обязанности кончаются, и я вернусь к своей работе, хотя и сейчас занимаюсь ей. Познакомиться с административными делами на небольшой срок полезно и интересно.

Недавно вышел из печати сборник, в нем две мои статьи.

Думаю все-таки в этом году завершить вчерне работу по своей теме. Собираюсь и в командировку, но к концу года с деньгами туго в учреждении. Не выйдет до конца года, выйдет в начале, главное закончить работу и разрешить все дела.

Последние дни в Якутске совсем зима. Но еще морозов нет, снег лежит и не тает. Морозы, очевидно, ударят после праздников.

Что у тебя нового после приезда?

Все собираюсь написать поподробней Нюте, ответить на ее письмо.

Надеюсь, что все здоровы и все благополучно.

Целую тебя крепко. Люся...

Примечания

¹ Речь идет о докторской диссертации С.А. Токарева «Общественный строй якутов в XVII–XVIII вв.», опубликованной в Якутске в виде монографии в 1945 г.

² Новгородов Иван Дмитриевич – историк.

³ Чемизов Василий Назарович (1915–1979) – историк, в 1938–1941 г. – ученый секретарь Института языка и культуры в Якутске. В 1942–1946 гг. – народный комиссар просвещения Якутской АССР.

⁴ Блинов Андрей Иосифович – однокурсник И.С. Гурвича, историк, этнограф.

⁵ Брошюра «Жизнь на снегу» (М., 1941) готовилась С.А. Токаревым и его учениками – И. Гурвичем, А. Блиновым и др. – специально для воинов Советской Армии. В ней излагался опыт выживания северных народов в условиях суровой зимы при отсутствии постоянного жилья.

⁶ Толстов Сергей Павлович.

⁷ Золотарев Александр Михайлович.

⁸ Гурвич Константин Самуилович – брат И.С. Гурвича, в 1943 г. пропал без вести на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

⁹ Имеются в виду работы якутского историка Георгия Прокопьевича Башарина (1912–1992).

¹⁰ Тыгын – легендарный якутский тойон начала XVII в.

¹¹ Ионова Ольга Всеволодовна (1911–1962) – зав. сектором истории НИИЯЛИ в Якутске (1947–1950).

¹² Терлецкий Петр Евгеньевич.

¹³ Гоголев Захар Васильевич (1911–1974) – историк, директор Якутского НИИЯЛИ (1948–1963).

Е.Р. В а т у а н о в а, L.L. В о i c h u k (Moscow). Yakut Correspondence (To the 80th Birth Anniversary of I.S. Gourvich)

Presented in the publication are materials from the personal archives of a prominent ethnographer student of Siberia I.S. Gourvich – his correspondence with his relatives and colleague-historians: S.A. Tokarev, S.P. Okladnikov, A.A. Popov, B.O. Dolgikh. The letters belong to the period of I.S. Gourvich's stay in Yakutia in the 1940s–1950s.